

Александр Марлинский

**Полное собрание
сочинений**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Марлинский**
Полное собрание сочинений: Часть 1 / Александр Марлинский – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 249 с.

ISBN 978-5-518-08729-3

Оглавление:
Испытание;
Замок Эйзен;
Ноч на корабле;
Отрывки из рассказов о Сибири;
Шах Гуссейн.

ISBN 978-5-518-08729-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И С П Ы Т А Н И Е .

.... Въ благовошномъ дымѣ тру-
божъ,
Какъ звезда, несетя кубокъ,
Влажной искрою горя
Желчуга и лянтаря,
Въ немъ играя и свѣтля,
Дышитъ пламень Прометей,
Какъ безсмертїа зоря:

Невдалекъ отъ Кїева, въ день зимняго
Никола, многіе офицеры...скаго гусарскаго
полка праздновали на именинахъ у одного изъ
любимыхъ эскадронныхъ командировъ своихъ,
князя Николая Петровича Гремца. Шумный
обѣдъ уже кончился, но шампанское не уста-
вало литься и питься. Однако же, какъ ни
веселы были гости, какъ ни искренны ихъ
бесѣда, разговоръ начиналъ томиться, и смѣхъ,
эта Клеопатрина жемчужина, растаялъ въ бо-
калахъ. Запасъ уѣздныхъ новостей истощился;

лестныя мечты о будущихъ вакансіяхъ къ производству, любопытныя споры о построеніяхъ, похвальба конями и даже всѣ возможные тосты, въ изобрѣтеніи конхъ воображеніе гусара конечно можетъ спорить съ любымъ калейдоскопомъ, — все наскучило своей чередою. Острики досадовали, что ихъ не слушаютъ, а весельчаки, что ихъ не смѣшать. Языкъ, на который, право не знаю, почему, скорѣе всего дѣйствуетъ законъ тяготѣнія, замѣтно упорствовалъ подниматься къ небу; — восклицанія, вздохи и табачныя пуфы становились рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ величественныя звѣзды, подобно электрической искрѣ, перелетали съ устъ на уста

Я могъ бы, при сей вѣрной оказіи, подражая милымъ писателямъ Русскихъ новостей, описать всѣ подробности офицерской квартиры до синяго пороха, какъ будто къ сдачѣ аренды; но зная, что такія микроскопическія красоты не по всѣмъ глазамъ, я разрѣшаю моихъ читателей отъ волнованія табачнаго дыма, отъ бряканья стакановъ и шпоръ, отъ Гомеровскаго описанія дверей, изстрѣлянныхъ пистолетными пулями, и стѣнъ, исчерченныхъ завѣтными стихами и вензелями, отъ висящихъ на стѣнѣ мундштуковъ и ташки, отъ

нагорѣлыхъ свѣчь и длинной тѣни усовъ. Когда же я говорю про усы, то разумно поды этия обыкновенные человѣческіе, а не китовые усы, о которыхъ, если вамъ угодно знать пообстоятельнѣе, вы можете прочесть славнаго китолова Скорезби. Впрочемъ, да не помыслать поклонники усовъ, будто я бросаю ихъ изъ неуваженія! сохрани меня Аввакумъ! Я самъ считаю усы благороднѣйшимъ украшеніемъ всѣхъ теплокровныхъ и хладнокровныхъ животныхъ, начиная отъ трехъ-бунчужнаго паши до осетра. Но вспомните, что мы оставили гостей не простясь, а это не слишкомъ учтиво. Безъ насъ уже половина изъ нихъ, неподстрекаемая великимъ двигателемъ сердець — банкомъ, склонила головы свои на край стола, между тѣмъ, какъ остальные, болѣе крѣпкіе, или болѣе воздержные, спорили еще, сидя: « что красивѣе, троерядный или пятирядный ментикъ? » Вдругъ звонъ колокольчика и топоть злой тройки заглушилъ ихъ пренія. Сани шаркнули поды окномъ, и маіоръ Стрѣлинскій уже стоялъ передъ ними. « Здравствуй! здравствуй! » летѣло къ нему со всѣхъ сторонъ. — « Прощайте, друзья мои! » отвѣчалъ онъ: « отпущь у меня въ карманъ, кони у крыльца, и ретивое на берегахъ Невскихъ; я завѣхалъ сюда на минуту: поздравить милаго

имянника, и выпить прощальную чашу. Сто лѣтъ счастія!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ князю, съ бокаломъ шампанскаго, и дружески сжимая его руку. — «Сто лѣтъ! Милости просимъ на погребенье,» — отвѣчалъ, усмѣхаясь, Греминъ: — «и я увѣренъ, что ты заключишь старинную дружбу нашу похвальнымъ словомъ надъ моею могилою!»

— «Похвальнымъ словомъ? Нѣтъ! это слишкомъ обыкновенно. Да и зачѣмъ хвалить того, кого не за что бранить? — Впрочемъ, какъ ни упоренъ языкъ мой на панегирики, твое желаніе одушевляетъ меня казарменнымъ краснорѣчіемъ. Не хочу однако жъ пропикать въ будущее — цѣтъ, я произнесу только надгробное слово этимъ живымъ и чуть живымъ покойникамъ, за столомъ и подъ столомъ уснувшимъ. Начинаю съ тебя, милый корнетъ Посвистовъ! ибо въ царствѣ мертвыхъ и послѣдніе могутъ быть первыми. Да покоится твое романтическое воображеніе, которое, будучи орошено ромомъ, пылало какъ плумъ-пудингъ! Тебѣ недоставало только риземъ, чтобы сдѣлаться поэтомъ, котораго бы никто не понялъ, и Грамматики, чтобы быть прозаикомъ, котораго бы никто не читалъ. Самъ Зевесъ ниспослалъ на тебя сонъ въ отраду ушей всѣхъ ближнихъ! Миръ и тебѣ, храбрый ротмистръ Ольстрецицъ; ты

никогда не опаздывалъ на зvonъ сабель и стакановъ. Ты, который такъ затягиваешься, что не можешь сѣсть, и натянувшись, не въ силахъ встать! Да поконтся же твое туловище, покуда звукъ трубы не призоветъ тебя къ страшному расчету: «справа по три и по три на право кругомъ!» — Миръ и твоимъ усамъ, нашъ доморощенный Жюмини, у котораго арміи летали, какъ журавли, и крѣпости лопали, какъ бутылки съ кислыми щами! Системы не спасли твоей операціонной линіи ты палъ, ты страшно палъ, какъ Люциферъ или Наполеонъ, съ верхняго конца въ преисподнюю подстоля! Долгій покой и тебѣ, кларнетистъ бе-мольной памяти, Бренчинскій, который даже собаку свою выучилъ лаять по нотамъ. Бывало ты однимъ духомъ отдувалъ любой актъ изъ Фрейшица; а-теперь одна аппликатура V. C. P. со звѣздочкой, низвергла тебя, какъ прорванную волюнку. — И тебѣ, лордъ-Байронъ мазурки, Стрепетовъ, кружившій головы дамъ неутомимостію ногъ своихъ въ вальсѣ, такъ, что ни одна не покидала тебя безъ сердечнаго біенія — отъ усталости. Ты вѣчно былъ въ разладѣ съ музыкою; — за то вѣчно доволенъ самъ собою. Миръ сердцу твоему, честолюбецъ Пятачковъ! хотя ты и во снѣ хочешь перехрапѣть своихъ

товарищей, и тебѣ, другъ, Сусликовъ! что глядишь на меня, будто собираешься разсуждать, и наконецъ всѣ вы, о которыхъ такъ же трудно что нибудь сказать, какъ вамъ что нибудь выдумать, покойтесь на лаврахъ своихъ до радостнаго утра — да будетъ крѣпокъ вашъ сонъ и легко пробужденіе!»

«Алинь!» сказала Гремниъ, смѣючись. «Тебѣ, однако жъ, пришлось бы, въ награду за рѣчь эту, промѣнять не одну нару пулю, или иззубрить не одну саблю, если бъ господа могли все слышать.»

«Тогда я не счелъ бы ихъ мертвецами, и не сказывалъ бы надгробной проповѣди. Впрочемъ, съ тѣми, кто не принимаетъ шутки за шутку, я готовъ расплатиться и свинцовою монетою.»

— «Полно, полно, любезный мой Донъ Кихоть; мы между друзьями. — Не сѣши прощаться; мнѣ нужно дать тебѣ порученія въ Петербургъ, немного поважнѣе покупки ветишкетовъ и помады. — Черезъ четверть часа колокольчикъ будетъ уже звенѣть въ ушахъ твоихъ вмѣсто голоса друга.»

Они вышли въ другую комнату.

«Послушай, Валеріанъ!» сказалъ ему Гремниъ: «ты, я думаю, помнишь ту черноглазую даму, съ золотыми колосьями на голо-

въ, которая свела съ ума всю молодежь на балъ у Французскаго посланника, три года тому назадъ, когда мы оба служили въ гвардіи? »

— « Я скорѣе забуду, съ которой стороны садиться на лошадь! » вспыхнувъ, отвѣчалъ Стрѣлинскій: « она цѣлыя двѣ ночи спилась мнѣ, и я въ честь ея проигралъ кучу денегъ на трефовою дамѣ, которая средо мнѣ не рутировала. Однако жъ страсть моя, какъ прилично благородному гусару, выкинула въ недѣлю, и съ тѣхъ норъ — но далѣе: ты былъ влюбленъ въ нее? » —

« Былъ и есмь. Подвиги мои на яву простирались далѣе твоихъ сновидѣній. Мнѣ отвѣчали взаимностію, меня ввели въ домъ ея мужа . . . »

— « Такъ она замужемъ? »

« Но несчастію, да. Расчетливость родныхъ приковала ее къ живому трупу, къ ветхому надгробію человѣческаго и графскаго достоинства. Надо было покориться судьбѣ и питаться искрами взглядовъ и дымомъ надежды. Но между тѣмъ, какъ мы вздыхали, семидесяти-лѣтній супругъ кашлялъ да кашлялъ — и наконецъ врачи присоветовали ему ѣхать за границу, надѣясь, вѣроятно, минеральными во-

дами выцѣдить изъ его кошелька побольше золота. »

— « Да здравствуютъ воды ! я готовъ почти помириться за это съ водой , хотя календарскій знакъ Водолея на столѣ , вѣчно кидаетъ меня въ лихорадку . Поздравляю , поздравляю , mon cher Nicolas ; разумѣется дѣла твои пошли какъ нельзя лучше ! . »

« Вложи въ ножны свои поздравленія . Старикъ взялъ ее съ собою . »

— « Съ собою ? Ахъ онъ чудо-Юдо ! гаскать по кислымъ ключамъ молодую жену , чтобы золотить ему пилюли — вмѣсто того , чтобы , оставя ее въ етолицѣ , украсить свое родословное дерево золотыми яблоками ! — Это умертвительное неумѣнье жить въ свѣтѣ . »

« Скажи лучше , упрямство умереть кстати . Онъ воображалъ , постепенно разрушаясь , что обновить себя перемѣною жѣлоды . При разлукѣ мы были неутѣшны , и помѣнялись , какъ водятся , кольцами и обѣтами неизмѣнной вѣрности . Съ первой станціи она писала ко мнѣ дважды ; съ третьяго ночлега еще одно писемко ; съ границы поручила одному встрѣчному знакомцу мнѣ кланяться , а съ тѣхъ поръ ни отъ ней , ни объ ней ни какого извѣстія : словно въ воду канула ! »